

А.В. Литвинов

## ОЦЕНОЧНОСТЬ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА

**Аннотация.** Статья посвящена широко распространенному в британской и американской лингвокультурах феномену имплицитной или эксплицитной оценочности делового текста. Рассматривается связь оценочности как языкового явления с категориями эмоциональности и экспрессивности. Раскрываются объективная и субъективная, эксплицитная и имплицитная оценки.

**Ключевые слова:** оценочность, оценка, аксиология, модальность, перформатив, официально-деловой текст.

Alexander Litvinov

## BUSINESS TEXT EVALUATION

**Abstract.** The article considers the phenomenon of implicit and/or explicit evaluation which is widely spread in British and American business texts. Relations between linguistic axiological categories are analysed. Objective and subjective as well as explicit and implicit evaluation is taken into account.

**Keywords:** evaluation, assessment, axiology, modality, performative, business text.

Существует утвердившееся мнение о том, что официально-деловые тексты абсолютно лишены оценочности. При этом оценочность понимается как отражение представителей данного языкового коллектива или субъективных представлений участников коммуникации о положительных или отрицательных эмоциях, сопровождающих представления об объекте речи. Данную категорию принято считать стилеобразующим фактором публицистики.

Оценочность как языковое явление тесно связана с категориями эмоциональности и экспрессивности. В исследованиях говорится об объективной и субъективной, эксплицитной и имплицитной оценке. Объективная оценка представлена в семантике оценочных слов (*плохой, хороший, счастье, горе, bad, good, happiness, luck, grief, sorrow*), субъективная оценка определяется выбором говорящего, часто является контекстуальной, однако последнее вполне применимо и к объективной оценке. «Субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту (иногда его представляют в виде отношений «нравится / не нравится», «ценить / не ценить», «одобрять/не одобрять» и т.п.), в то время как объективный (дескриптивный, живой, признаковый) компонент ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносятся оценка» [3]. Оценка представляет собой довольно сложную логическую модель, она состоит из объекта оценки (лицо, предмет или событие), самого оценочного элемента, а также «точки отсчета», включающей оценочные стереотипы. Эксплицитный и имплицитный аспекты оценки связаны с точкой зрения лица или социума, с точки зрения которого делается оценка. Важна также и «норма» как представление об объекте оценки, в связи с этим положительное следует отметить как соответствующее норме, отрицательное – как ей не соответствующее.

В аксиологии норму рассматривают как эталон качества. Разные исследователи выделяют разные виды норм. Т.М. Николаева выделяет три основных типа: 1) отношение к заведенному порядку вещей; 2) отношение к понятию должного; 3) отношение к системе ценностей [8]. При этом в лингвистике под оценкой чаще понимается результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально, то есть закрепленное в высказывании или элементах языковой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления – положительное/отрицательное. Ю.Д. Апресян указывает на возможность рассмотрения оценки, закрепленной в качестве одного из компонентов значения слова, с точки зрения таких типов модальных отношений как сомнительность, вероятность, достоверность и другие [1].

В аксиологических концепциях и в логике оценок первичным считается концепт ценности, а производным от него – понятие обязанности. Поэтому аксиологические понятия образуют ценностные суждения, а деонтические понятия – нормативные суждения. В деонтических суждениях отражаются прежде всего свойства познаваемого объекта с позиций определенного социума, а в аксиологических суждениях еще и свойства познающего субъекта, его отношение к предмету оценки. Бытующие в обществе морально-этические категории добра и зла отражают нравственную оценку поведения людей, отдельных общественных явлений.

Особое мнение высказывается в лингвистике в связи с модальной оценкой, так как она лишь частично связана с семантикой модальности и гораздо более с типами речевых установок говорящего, его отношением к содержанию высказывания. Оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью. Функция и в этом случае заключается в соотношении предмета и события с идеализированной, то есть нормативной действительностью. Идея нормативности пронизывает большой жизненный цикл, берущий начало в восприятии явлений действительности, переходящий оттуда в сферу коммуникации и языковой семантики и завершающийся в словесном творчестве [2].

Закономерным является стремление специалистов внести упорядоченность в совокупность отношений, которые связываются с понятием модальности. Ученые пытаются четко выделить разные подсистемы в рамках охватываемого обобщениями широкого круга бесспорно модальных или пограничных явлений, определить иерархию этих подсистем и эксплицитно описать отношения между ними [9]. Общим семантическим признаком «модальных объектов» является точка зрения говорящего. Обычно выделяют следующие модальные дихотомии: реальность/ирреальность (гипотетичность), возможность (желательность)/необходимость, достоверность/недостоверность. На основе каждого из перечисленных видов можно выделить отдельные подвиды и разновидности: побуждение, вопрос, долженствование, неуверенность, предположение и т.д.

Совершенно очевидно, что в деловом дискурсе, в документальной его разновидности наиболее актуальными видами модальных отношений представляются отношения необходимости и долженствования. Интересно, что эта семантика в данном виде текстов никак не соотносена с другими модальными значениями, в особенности такими, как реальность – нереальность, достоверность – недостоверность. В деловых документах действуют априорные установки на реальность и достоверность, так как сами тексты деловых документов обладают перформативными свойствами. Им, как и элементарным глагольным перформативам языка, свойственна действенность и актуальность [7]. Само существование текста документа с момента его создания, а оно предполагает не только речевую «готовность», но и определенную процедуру оглашения (принятие, подписание, публикация, доведение до сведения и т.п.), представляет собой значимое речевое действие, с которым вынуждены считаться адресаты. Специфическим содержанием делового текста-документа являются определенные регулятивы, которые могут быть различными, могут быть однотипными, однако они обязательно структурированы ситуативно и коммуникативно. Эти тексты не представляют знаний или оценок, их задача – информирование об определенных ситуативных условиях поведения: они классифицируют ситуации и определяют поведенческие закономерности субъектов в перечисленных ситуациях. Часть транслируемой ими информации воспринимается априорно как фактически достоверная, другая часть излагается в границах модального поля необходимости: от долженствования, до допустимости (возможности) и до запрета. Само содержание документа устанавливает вполне четкие закономерности между этими двумя частями с принципиально различной модальностью: описательная часть и предписывающая часть. Обе части обладают равной значимостью, адресат выводит новое регулятивное знание на основе операций анализа, синтеза, сравнения и моделирования. Представленный в документах вид модальной оценки нередко называют волюнтаривной, отмечая ее неразрывную связь с

семантической категории императивности. Основными средствами выражения данного типа значений, как известно, являются модальные слова и модальные глаголы, а также различного типа синтаксические, инфинитивные, императивные конструкции [5].

Однако возникает одна важная проблема, на которой необходимо остановиться. Для того чтобы быть действенным, иметь убедительную силу любой регулятив должен быть убедительным. Иначе говоря, закон только тогда является законом, или приказ – приказом, когда они неукоснительно выполняются [6]. Это достигается разнообразными способами и быстрее всего приходят на ум различные «меры устрашения и наказания», а точнее перечень действий, с помощью которых может быть наказан нарушивший установления субъект. Интересным здесь является то, что необходимость и долженствование уступают в данном фрагменте место возможности и вероятности. Но нельзя утверждать, что только такими средствами происходит убеждение адресата следовать сформулированным в тексте правилам. Читателя текста побуждает к «правильным» действиям, во-первых, сама жанровая установка текста, так как каждый коммуникативно зрелый пользователь понимает цели и задачи подобных текстов, во-вторых, имеющиеся в данном тексте имплицитные оценки, которые усиливают акцент необходимости следования перечисленным нормам. Эти оценки должны дополнительно убеждать, что рекомендуемые в тексте нормы поведения должны быть оценены как «хорошо», а запретительные нормы – «как плохо».

Рассмотрим следующие фрагменты текста.

(a) In General – Not later than 120 days after the date of the enactment of this Act, the Secretary of State, in consultation with the Secretary of the Treasury, shall publish in the Federal Register a list of each person the Secretary of State has reason to believe –

(1) is responsible for the *detention, abuse, or death* of Sergei Magnitsky, participated in efforts to conceal the legal liability *for the detention, abuse, or death* of Sergei Magnitsky, *financially benefited from the detention, abuse, or death* of Sergei Magnitsky, or *was involved in the criminal conspiracy* uncovered by Sergei Magnitsky; or

(2) is responsible for *extrajudicial killings, torture, or other gross violations* of internationally recognized human rights committed against individuals seeking –

(A) to expose *illegal activity* carried out by officials of the Government of the Russian Federation; or

(B) to obtain, exercise, *defend, or promote internationally recognized human rights and freedoms, such as the freedoms of religion, expression, association, and assembly, and the rights to a fair trial and democratic elections*; or

(3) acted as an agent of or on behalf of a person in a matter relating to an activity described in paragraph (1) or (2), см. [10].

В данном случае курсивом мы выделили слова, имеющие яркую отрицательную коннотацию, а курсивом и подчеркиванием лексические единицы, сопровождаемые положительными оценками. Как видим, уже в описательной части идет подчеркнутое разделение и даже противопоставление положительного и отрицательного, правильного и неправильного. Аналогичные примеры можно найти и в русскоязычных текстах.

К мерам воздействия на лиц, причастных к *нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан* Российской Федерации, относятся:

1) *запрет* на въезд в Российскую Федерацию граждан Соединенных Штатов Америки:

а) *причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека*;

б) совершивших *преступления* в отношении граждан Российской Федерации, находящихся за рубежом, или *причастных к их совершению*;

в) наделенных государственными полномочиями и способствовавших своими действиями (бездействием) освобождению от ответственности лиц, *совершивших преступления* в отношении

граждан Российской Федерации или причастных к их совершению;

г) в чьи должностные обязанности входило принятие решений, отсутствие или наличие которых привело к *освобождению от ответственности лиц, совершивших преступления в отношении граждан Российской Федерации или причастных к их совершению*;

д) причастных к *похищению и незаконному лишению свободы граждан Российской Федерации*;

е) вынесших *необоснованные и несправедливые приговоры* в отношении граждан Российской Федерации;

ж) осуществляющих *необоснованное юридическое преследование* граждан Российской Федерации;

з) принявших *необоснованные решения, нарушившие права и законные интересы граждан и организаций Российской Федерации*;

2) *арест* на территории Российской Федерации финансовых и иных активов граждан Соединенных Штатов Америки, которым запрещен въезд в Российскую Федерацию, и *запрет* на любые сделки с собственностью и инвестициями этих граждан [11].

Оценочность делового текста объясняется тем, что система права, воспринимаемая как определенное принуждение со стороны государства, должна иметь обязательное моральное оправдание. Именно поэтому постоянно подчеркивается, что в основе правовых актов лежат идеальные нравственные нормы, для того чтобы убедить адресата в необходимости и правильности государственного принуждения. Объяснение моральной природы закона, правового акта помогает не только лучше осознать право, его сущность, причины силы и слабости правовых систем, но и сделать более эффективными юридические нормы и институты.

Рассмотрим еще пример. Так, в приведенном ниже фрагменте речь идет об обязанностях суда в ходе уголовного и гражданского процесса. Так как концепт 'суд' должен рассматриваться как нечто положительное, то и во фрагменте встречаются лексемы, которые обладают положительной оценочной значимостью, которые противопоставлены нескольким единицам, представляющим отрицательное поле, что необходимо для утверждения ценности слов с положительной оценкой:

The court must further the overriding objective by *actively managing* the case.

(2) *Active case management* includes –

(a) the *early identification* of the real issues;

(b) the *early identification* of the needs of witnesses;

(c) *achieving certainty* as to what must be done, by whom, and when, in particular by the early setting of a timetable for the progress of the case;

(d) monitoring the progress of the case and compliance with directions;

(e) ensuring that evidence, whether disputed or not, is presented in the *shortest and clearest way*;

(f) *discouraging delay*, dealing with as many aspects of the case as possible on the same occasion, and *avoiding unnecessary hearings*;

(g) encouraging the participants to *co-operate* in the progression of the case; and

(h) making use of technology.

(3) The court must actively manage the case by giving any direction appropriate to the needs of that case as early as possible [12]

Отметим, что положительная и отрицательная оценка, которую несут элементы текста, формируется не за счет обычных оценочных лексем, которые в деловом дискурсе встречаются редко, а за счет других средств: прилагательных, обозначающих качества и свойства, ассоциируемые с чем-либо положительным (*actively managing, early identification*), употребления грамматических форм степеней

сравнения прилагательных (*shortest and clearest way*), использования словообразовательных средств (*discouraging delay, avoiding unnecessary hearings, co-operate*).

Как следует из примера, когда предметом речи является *суд*, в тексте доминирует лексика с положительным оценочным фоном. Можно привести примеры противоположные, которые демонстрируют, что если речь идет о нарушителях закона, их деяниях и наказании, то в тексте преобладают лексемы с отрицательной оценкой:

A person that *violates, attempts to violate, conspires to violate*, or causes a violation of this section or any regulation, license, or order issued to carry out this section shall be subject to *the penalties* set forth in subsections (b) and (c) of section 206 of the International Emergency Economic Powers Act (50 U.S.C. 1705) to the same extent as a person that commits *an unlawful act* described in subsection (a) of such section [10].

Так как нормы права в целом основываются на праве естественном, которое представляет собой систему высших моральных ценностей и норм, являющихся незыблемыми и неизменными, общество осознает и принимает эти ценности и нормы, воспринимает их как «правильные», «положительные». Лексемы, представляющие эти нормы, наряду с терминологическим имеют еще и общенародные стилистически нейтральные значения, которым свойственны и ассоциативные связи, формирующие положительную оценку всеми носителями языка [4]. Концепты, соотносимые с данными словами, входят в национально-культурное ядро особо значимых понятий и представлений о справедливости, так как естественное право заключает в себе возможности свободного и равного развития каждой личности, обеспечивает человеку возможности раскрыть его потенции как существа разумного и морального.

#### Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка // Апресян Ю.Д. Избранные работы. – Т. 1. – М., 1999. – с. 512
2. Арутюнова Н.Д. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988. – 337 с.; с. 8
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 228 с. – с. 22-23
4. Воркачев С.Г. Права человека в русской и латинской афористике и паремиологии: концепт «правосудие/справедливость» // Язык, сознание, коммуникация. – 2003. – № 24. – С. 50-53.
5. Изотов А.И. Императивность как прагматический феномен: На материале чешского языка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 256 с.
6. Изотов А.И. Особенности концептуализации авторитарного побуждения в русской и чешской языковых картинах мира // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 4. – С. 17-22.
7. Изотов А.И. Опыт корпусного анализа чешских директивных и директивно-комиссивных перформативных глаголов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика, 2012. № 3. – С. 99-107.
8. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М., 1985. – 168 с.
9. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
10. [Электронный ресурс] <http://www.govtrack.us/congress/bills/112/s1039/text> (дата обращения 22.02.2014)
11. [Электронный ресурс] <http://www.rg.ru/2012/12/29/zakon-dok.html> (дата обращения 22.02.2014)
12. [Электронный ресурс] <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2011/1709/made> (дата обращения 22.02.2014)